

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ К СТАТЬЕ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА
ЗАБИТЫЕ ЛЮДИ

Н. А. Добролюбов сдержанно оценил художественный талант Ф. М. Достоевского. Анализируя основные образы романа *Униженные и оскорбленные* в своей последней литературно-критической статье *Забитые люди*, он отметил их неопределенность, а причину ее увидел в том, что у автора „не достало ... силы дарования“¹.

Художественное произведение, согласно принципам „реальной критики“, должно не только верно отражать действительность, но и разъяснять ее, выносить ей приговор. Этим требованием определялась и оценка поэтического дара. У сильных талантов „самый акт творчества — пишет Добролюбов в той же статье — так проникается всю глубиной жизненной правды, что иногда из простой постановки фактов и отношений, сделанной художником, решение их вытекает само собой“ (243). Произведения же Достоевского только наводят читателя на вопросы, им нужны дополнения и комментарии, потому что автор романа не объясняет характеров героев и не показывает их формирования. В этом отношении он уступает Шекспиру, Гете, Байрону, Гоголю, Островскому, Гончарову (см. с. 234—236). Поведение главных героев непонятно и нелогично, но особенно таинственен, по мнению Добролюбова, облик князя Валковского, несмотря на то, что „основу романа, зерно его составляет именно воспроизведение характера этого князя“ (235). Читатель, всматриваясь в изображение Валковского, полагает критик, найдет лишь „с любовью обрисованное сплошное безобразие, собрание злодейских и цинических черт“, но не найдет тут „человеческого лица“. „И ведь хоть бы неудачно хоть бы как-нибудь попробовал автор заглянуть в душу своего героя... Нет ничего, ни попытки, ни намека...“, — сожалеет Добролюбов. В результате в романе нет ответов на вопросы:

Как и что сделало князя таким, как он есть? Что его занимает и что волнует серьезно? Чего он боится и чему наконец верит? А если ничему не верит, если душа у него совсем вынута, то таким образом и при каких средствах произошел этот любопытный процесс? Мы вправе требовать от автора объяснений на подобные вещи, даже не предъявляя на

¹ Н. А. Добролюбов, *Собрание сочинений в 9 томах*. Т. 7, ГИХЛ, М.—Л., 1963, с. 243. Далее ссылки на это издание даны в тексте.

него особенно громадных претензий. Не говоря о гигантах поэзии, мы имеем даже у себя произведения, удовлетворяющие этим скромным требованиям: мы знаем, например, как Чичиков и Плюшкин дошли до своего настоящего характера, даже знаем отчасти, как обленился Илья Ильич Обломов. Но г. Достоевский пренебрег этим требованием совершенно (235—236).

Читатель, по мнению критика, не знает, какой разряд явлений, какой жизненный тип представляет Валковский, а потому и неизвестно, против чего выступает в своем романе автор, поэтому и нужны комментарии к его произведению. Далее Добролюбов в своей статье развивает, как ему кажется, мысль Достоевского, досказывает за него то, что он не сумел выразить определенно.

Прав ли Добролюбов? Можно ли на основании романа понять, какую эпоху изображает Достоевский, какой разряд явлений представлен в образах героев романа, в частности, в образе князя Валковского?

В современном литературоведении на этот вопрос есть два ответа, исключаящие друг друга. В. Кирпотин в своей книге *Достоевский в шестидесятые годы* доказывает, что автор *Униженных и оскорбленных* „рисует Валковского только по книгам, только по рассуждениям, а не на основании жизненных наблюдений“². По мнению же Н. М. Чиркова „Валковский — убедительный пример художественного усвоения Достоевским объективной действительности“ ... „В судьбе князя Валковского отражен процесс приспособления части разорившегося русского дворянства к капиталистическим условиям“³.

Замысел романа, как известно, состоял в стремлении уловить неустоявшийся смысл современности, то есть шестидесятых годов 19 века. В понимании его между исследователями нет расхождений. Но содержание романа они определяют по-разному. В. Кирпотин полагает, что Достоевский, не зная России середины XIX века, подменил ее в романе Россией сороковых годов: „Он (Достоевский. — А. Л.) писал о Петербурге шестидесятых годов, а знал Петербург сороковых годов, он писал о повернувшейся действительности, об изменившемся быте, а пользовался для их художественного освещения старинными „книжками“ (с. 313—314). „Достоевский, пишет в другом месте книги В. Кирпотин, был не в силах проникнуть в истинную „тайну“ возникновения „миллионов“. Петр Валковский становится капиталистическим владыкой внеэкономическими средствами — обманом, вымогательством, грабежом“ (с. 286). Не допуская и мысли о том, что у автора могли быть возможности для изображения „повернувшейся“ России, литературовед даже время действия в романе относит к сороковым годам: „Время действия романа приурочено не к реформам Александра II,

² В. Кирпотин, *Достоевский в шестидесятые годы*. „Художественная литература“, М., 1966, с. 323. Далее ссылки в тексте.

³ Н. М. Чирков, *О стиле Достоевского. Проблематика. Идеи. Образы*. „Наука“, М., 1967, с. 39. Далее ссылки в тексте.

а к сороковым годам и устанавливается весьма точно: оно начинается в момент выхода *Бедных людей*, то есть в 1846 году, и оканчивается вскоре после смерти Белинского, то есть в 1848 году“ (с. 259).

Как и следовало ожидать, мнение Н. М. Чиркова противоположно. Он был убежден, что „не только впечатления Петербурга, но общие яркие впечатления от все более капитализирующейся России начала 60-х годов находят здесь (в романе. — А. Л.) свое выпуклое выражение“ (с. 37). Фигуру князя он рассматривает в свете своей общей концепции:

Карьера князя Валковского — это карьера опытного дельца-хищника. Нажива, нажива любыми средствами — вот максима его жизни. Это авантюрист с уголовным прошлым, умеющий хоронить концы в воду. Так или иначе в истории этого персонажа у Достоевского впервые отчетливо проходит мотив накопления, играющий такую видную роль в его последующем творчестве. Разорившийся дворянин, который приобрел большие денежные средства путем спекуляций и других мошеннических махинаций — вот социальная биография князя... Достоевский рисует отсталые, „азиатские“ формы накопления и формы капиталистической эксплуатации от *Униженных и оскорбленных* до *Братьев Карамазовых* (с. 37).

Таким образом, Н. М. Чирков, в отличие от В. Кирпотина, в своей работе делает уверенные выводы относительно социального содержания образа князя Волковского. Он стремится доказать, что *Униженные и оскорбленные* имеют все признаки социально-психологического романа.

Как же обстоит дело в действительности? Начнем с определения времени действия романа. В. Кирпотин, делая хронологические подсчеты, забывает о том, что в романе рядом с фактами сороковых годов указываются факты шестидесятых годов. Герои романа читали не только *Бедных людей* Достоевского, но и *Накануне* Тургенева, *Детство* и *Отрочество* Толстого. Они жили в особенное время, когда эти произведения появились одновременно и критик Б. (умерший в 1848 году, как подчеркивает В. Кирпотин) имел возможность их рецензировать. Ясно, что фабульное время романа отмечено фактами и сороковых, и шестидесятых годов. Достоевский совмещает эпохи, а не подменяет одну другой. Первоначально он понимал сороковые и шестидесятые годы как единый период с общими идеями и, вполне естественно, поэтому объединил в романе эти разные эпохи русской общественной жизни. Позднее шестидесятые годы оценивались им как следствие сороковых, и в его творчестве возникает тема „отцов и детей“ (см., например, роман *Бесы*).

Ответ на вопрос, какая эпоха изображена в *Униженных и оскорбленных*, нельзя получить, оставаясь в плену конкретных исторических фактов, упоминаемых писателем в произведении. Следует обратиться к сюжету, являющемуся художественной интерпретацией реального конфликта времени.

Главные герои романа (что отметил сам автор — см. с. 23) — князь Петр Александрович Валковский и писатель-разночинец Иван Петрович. Они испытывают друг к другу не только личную, но и социальную (сослов-

ную) вражду. Князь, сохранивший связи с аристократией, с презрением говорит о демократической гордости разночинца Ивана Петровича, зарабатывающего на кусок хлеба каторжным, но честным трудом, а тому, в свою очередь, отвратительна была продворянская идея относительно реформ, которую развивал „дипломат“ в доме графини. „Мне скверно стало сидеть с ними“, — признается герой (с. 249—250), от спора его удержала только мысль о бесполезности словопрений. Ситуация эта хорошо знакома по роману Тургенева *Отцы и дети*. Идейное столкновение разночинца с представителем аристократии (в данном случае перерождающемся в буржуа, что, впрочем, не изменяет сути) — явление, характерное для середины XIX века.

То, что Иван Петрович представляет в романе разночинское мировоззрение, в какой-то степени подтверждают реплики Алеши, который на некоторое время оказался под влиянием Ивана Петровича, и Наташи. Аристократ по рождению и воспитанию, он усваивает (разумеется, поверхностно) некоторые идеи писателя-разночинца.

Я буду жить своими трудами, невинно завирается юный герой. Наташа говорит, что это гораздо лучше, чем жить на чужой счет, как мы живем (с. 55).

Он собирается писать роман или давать уроки музыки. „Я, говорит он, не стыжусь жить и таким трудом. Я совершенно новых идей в этом случае“ (с. 56). Недалекий Алеша пытался даже перевоспитывать (тоже мотив шестидесятых годов) своего отца, пересказывая ему услышанное от Наташи и Ивана Петровича:

Сначала я начал говорить о том, что жениться на деньгах стыдно и неблагородно и что нам считать себя какими-то аристократами — просто глупо... Потом объяснил ему тут же, что я tiers état и что tiers état c'est l'essentielle! (третье сословие и что третье сословие — это главное. — *А. Л.*), что я горжусь тем, что похож на всех и не хочу ни от кого отличаться (с. 100).

Как ни наивен лепет Алеши, в нем все же различаем некоторые важные мысли разночинцев шестидесятых годов — о третьем сословии, об обязательности труда, о паразитическом существовании „верхов“.

Алеша явно опоздал со своими проповедями: новые идеи уже давно хорошо известны Петру Александровичу: „Я ведь все ваши новые знаю“, безапелляционно говорит он в ресторане Ивану Петровичу (с. 278). К лагерю новых людей он причисляет автора романа *Накануне* („один ваш писатель“), что с точностью определяет, какие идеи он называет новыми. Таким образом, можно отметить, что князь и писатель не только классовые, но и идейные антагонисты, что в романе Достоевского приобретает особое значение.

О расстановке социальных сил в стране князь имеет вполне определенное представление, которое тоже помогает понять, какую эпоху рисует До-

стоевский. Аристократы, дворяне, по мнению Валковского, — „пустое общество“, люди прошлого, но с ними пока приходится считаться: „Вы не смотрите на меня, говорит он Ивану Петровичу, что я дорожку предассудками, держусь известных условий, добиваюсь значения, я ведь вижу, что живу в обществе пустом, но в нем покамест тепло и я ему поддакиваю, показываю, что я за него горой, а при случае я первый же его оставляю“ (с. 277—278). В настоящее время главные люди — это люди типа банкира Ротшильда и самого князя и новые люди типа Ивана Петровича. Будущее принадлежит первому типу: „Весь мир может куда-нибудь провалиться, но мы всплывем наверх“, уверенно предрекает князь (с. 278). Такое представление о соотношении социальных групп в России могло возникнуть не раньше середины шестидесятых годов.

Итак, можно полагать, что Достоевский в романе *Униженные и оскорбленные* изображает шестидесятые годы и что его изображение не расходится с действительностью.

Читатель также имеет возможность проследить историю князя Валковского, понять генезис его личности. Рассказ о Петре Александровиче начинается с указания на то, что „от родителей своих, окончательно разорившихся в Москве, он не получил ничего“ (с. 24). Родовое имение было заложено и перезаложено. Герой вступил в жизнь как „голяк — потомок отрасли старинной“: „Брак на перезрелой дочери какого-то купца-откупщика спас его“ (с. 24). Жену свою он замучил и после ее смерти тотчас переехал в Петербург. Затем расчет и деньги сделали свое дело. Князь получил значительное место при одном из важнейших посольств и вскоре уехал за границу. Там, поняв, какие возможности личного обогащения таит буржуазный мир, он реализует новый план. Маслобоев, детально изучивший похождения Валковского, так рассказывает о его афере: „[...] там (т. е. за границей. — А. Л.) он и сманил дочь одного отца. Отец был вроде какого-то заводчика или участника в каком-то этаким предприятии... Вот князь его и надул, тоже в предприятие с ним вместе залез. Надул вполне и деньги с него взял“ (с. 236). Обманул же Смита Валковский обычным для него способом: добился любви его дочери, тайком увез ее, а она (по его просьбе) — документы „во взятой у старика сумке“ (с. 236). Нелли, внучка Смита и дочь Валковского, подтверждает сведения Маслобоева (мать перед смертью рассказала ей свою и ее историю):

Мамаша мне сказала, что дедушка был прежде богатый и фабрику хотел строить а что он теперь очень бедный, потому что тот, с кем мамаша уехала, взял у ней все дедушкины деньги и не отдал ей... (с. 339).

На эту историю намекнул Иван Петрович князю во время разговора в ресторане, и тот подтвердил основной факт: деньги у бедной женщины были отобраны.

Добыв деньги, Валковский поспешил укрепить родовое владение и при-

обрел „превосходнейшее имение в четыреста душ“. Своего сына он хочет женить на Кате, обладающей тремя миллионами, с единственной целью — получить эти деньги в свое распоряжение.

У ней, рассуждает бывший голяк, три миллиона, и эти три миллиона мне очень пригодятся. Алеша и Катя — совершенная пара; оба дураки в последней степени; мне того и надо (с. 280).

Петр Александрович полностью освободил себя от моральных принципов, от идеалов. Он берет на вооружение буржуазные правила: деньги во что бы то ни стало (потому что теперь князь — Ротшильд), эгоизм, цинизм. Жажда денег вытесняет у него честь, совесть, любовь, отцовское чество. Это личность, ощутившая возможность, индивидуальное право не считаться с другими людьми. Она могла появиться, согласно взглядам Достоевского, только в период „смутного времени“, распада связей между людьми и страшного индивидуализма, то есть опять-таки не раньше, чем в шестидесятые годы. Однако Валковский не является большой личностью. Он просто грязный, циничный полудворянин-полубуржуа, воспользовавшийся условиями времени для возведения подлости в степень житейской нормы. Вот его откровение:

Всё для меня и весь мир для меня создан [...]. Я, например, уже давно освободил себя от всех пут и даже обязанностей. Я считаю себя обязанным только тогда когда это мне принесет какую-нибудь пользу [...]. Люби самого себя — вот одно правило, которое я признаю. Жизнь — коммерческая сделка; даром не бросайте денег, но, пожалуй, платите за угождение, и вы исполните все свои обязанности к ближнему — вот моя нравственность [...]. Идеалов я не имею и не хочу иметь; тоски по ним никогда не чувствовал [...]. Я на все согласен, было бы мне хорошо (с. 276—280).

В романе, таким образом, достаточно материала для прояснения как изображаемой эпохи, так и социальной биографии Валковского. Н. М. Чирков в данном случае более прав, чем В. Кирпотин. Ссылка последнего на то, что князь приобретает деньги внеэкономическими средствами („Достоевский был не в силах проникнуть в истинную тайну возникновения „миллионов“), не состоятельна. И в романах зрелого Достоевского герои добывают или стремятся добыть деньги всегда „внеэкономическим“ путем: Родион Раскольников в *Преступлении и наказании*, Аркадий Долгорукий в *Подростке*, Федор Павлович в *Братьях Карамазовых*. Дело, значит, не в слабости таланта, а в особенностях понимания русской жизни середины прошлого века, которые проявились уже в романе *Униженные и оскорбленные*.

Добролюбов отказался увидеть в Валковском продукт эпохи, потому что у него было иное представление о современности и тенденциях дальнейшего развития России. Критик не понял, что роман написан о „смутном“, „роковом“, переходном времени, о России капитализирующейся. Будучи русским революционным демократом и социалистом-утопистом, он верил в социалистическую природу крестьянской общины и крестьянина и надеялся на крестьянскую революцию, возглавляемую передовой разночин-

ной интеллигенцией, которая приведет прямо к социализму (коммунизму), минуя капитализм. Он не придавал особого значения процессу капитализации, зарождению нового класса — буржуазии и вследствие этого не увидел в образе князя Валковского воплощения типических явлений русской жизни. Взгляды Добролюбова не совпадали как с реальным историческим процессом, так и со взглядами Достоевского, который не только разглядел приближающийся буржуазный порядок, но и его антигуманизм. Враждебную гуманизму силу критик и художник понимали уже по-разному: для Добролюбова это самодержавие, крепостничество, для Достоевского — буржуазный миропорядок. Вот почему Добролюбов не понял также, против чего выступает писатель в своем романе, и в конце статьи ориентирует читателя на борьбу с русскими самодержавными порядками, в то время как Достоевский информировал читателя о появлении в новое время идей, враждебных всем человеческим добродетелям и гуманистическим идеалам, и попытался воплотить их в облике князя Валковского.

Добролюбов верно отметил неопределенность образов Петра Александровича и Ивана Петровича. Но он неправильно объяснил причину. Она не в том, что для читателя остаются неясными социальные лица героев, а в том, что Достоевский в *Униженных и оскорбленных* колеблется между социальным и идеологическим романом. Ясно различима двойственность в построении романа и в характеристиках основных действующих лиц. Начинается произведение как обычный для того времени социально-психологический роман: вводятся одно за другим действующие лица, их ввод сопровождается короткими или достаточно обширными „биографиями“ и внешними описаниями. Но чем дальше, тем заметнее отход художника от социально-психологического рассказа. На первый план выдвигается задача показать главных героев как носителей противоположных идей, все явственнее становится мысль автора о чистом, добром сердце, иногда встречаются признаки различения в человеке двух борющихся начал — доброго и гадкого. Сюжет начинает приобретать идеологический характер. Разговор Валковского с Иваном Петровичем в ресторане — это уже столкновение не столько социальное, сколько идеологическое.

Сперва князь ведет беседу, учитывая, что перед ним человек другого сословия: „Это уж самое мелкое самолюбие. Тут замешались чуть ли не сословные интересы“ (реплика по поводу отдельного заказа Ивана Петровича), „У вас там теперь все нищета, потерянные шинели, ревизоры, задорные офицеры, чиновники, старые годы и раскольничий быт... вы косяте в демократической гордости и чахнете на ваших чердаках“ (о писателях, презирающих „высший круг“). Затем он нагло и цинично раскрывает собеседнику свои тайные мысли и тут разговор приобретает идеологический характер. Князь признается, что ему надоели все эти невинности, „все эти Алешины пасторали, вся эта шиллеровщина, все эти возвышенности“ (с. 268), что ему нравится прикинуться добродетельным, „войти

в тон, обласкать, ободрить какого-нибудь вечно юного Шиллера и потом вдруг сразу огорошить его, вдруг поднять перед ним маску и из восторженного лица сделать ему гримасу...“ (с. 269). И он гримасничает перед Иваном Петровичем, перед этим „вечно юным Шиллером“, пытающимся защищать людей от князя.

Наслаждение Валковского состоит в сознательном попирании высокого, недоступного, ненарушимого (см. с. 275). В одном месте можно заметить у него даже признаки собственной философии, там, где он противопоставляет себя отравившемуся философу.

Послушайте, мой друг — фамильярничают князь со своей жертвой — я еще верую, что на свете можно хорошо пожить. А это самая лучшая вера, потому что без неё даже и худо-то жить нельзя: пришлось бы отравиться. Говорят, так и сделал какой-то дурак. Он зафилософствовался до того, что разрушил всё, всё, даже законность всех нормальных и естественных обязанностей человеческих и дошел до того, что ничего у него не осталось; остался в итоге нуль, вот он и провозгласил, что в жизни самое лучшее — синильная кислота (с. 276).

Здесь князь „нормальные и естественные человеческие обязанности“ понимает как светские условия и приличия. В них, считает он, „глубокая мысль, не... нравственная, но просто предохранительная, комфортная, что, разумеется, еще лучше, потому что нравственность в сущности тот же комфорт, то есть изобретена единственно для комфорта“ (с. 272).

Противопоставляет себя Валковский в этой тираде и Ивану Петровичу, а точнее, свою идею противопоставляет добродетели и идеалу, которые отстаивает Иван Петрович. „Вы — говорит князь — разумеется, не можете так смотреть на вещи, у вас ноги спутаны и вкус больной. Вы тоскуете по идеалу, по добродетелям“ (с. 276). Валковский же идеалов не имеет и не хочет иметь, тоски по ним никогда не чувствовал.

В свете (князь имеет в виду не высший круг общества а землю, этот мир) мне весело, так мило прожить и без идеалов [...] и я очень рад — подчеркивает он — что могу обойтись без синильной кислоты. Ведь будь я именно добродетельнее (курсив автора. — А. Л.), я бы, может быть, без нее и не обошелся, как тот дурак-философ [...]. Нет. В жизни так много еще хорошего (с. 277).

Хорошее для него — значение, чин, отель, огромная ставка в карты, а главное — „женщины... и женщины во всех видах, ... потаенный, темный разврат, постраннее и оригинальнее даже немножко с грязнотой для разнообразия“ (с. 277).

Можно теперь назвать идеи, которые Достоевский пытался воплотить в образах князя Валковского и Ивана Петровича: с одной — это идея индивидуализма, идея попирания всех добродетелей, всех идеалов, всех нравственных норм, идея нравственной безнаказанности, с другой — идея добродетели, сострадания, гуманизма, идея защиты, сохранения человеческой мечты о возможности добра. Валковский предшествует Свидригайлову,

Федору Павловичу Карамазову, в какой-то мере Ставрогину, Иван Петрович — князю Мышкину, Алеше Карамазову.

Свою идею Валковский считает распространенной („нас таких легион“) и вечной: „все на свете может погибнуть, одни мы никогда не погибнем. Мы существуем с тех пор, как мир существует“ (с. 278). Следовательно, мир мыслится Валковским (и Достоевским тоже) как арена вечной борьбы добра и зла в разных их проявлениях. В этом пункте рассуждений Валковский почти философ. Но он не может удержаться на философской высоте, он мелок, и в конце пускается в рассуждения о разврате с грязнотцой. Прав был В. Кирпотин, когда отметил, что князь Валковский — „мещанин, добравшийся до своего пирога“ (с. 324). У князя есть правила, есть своя „житейская мудрость“, но нет еще идеи, с помсщью которой измерялся бы и оценивался мир. Он у порога философии „все позволено“ (в свидригайловском варианте), но он не философ, а просто циник. Философию создаст следующее поколение героев Достоевского.

В романе *Униженные и оскорбленные*, таким образом, уже наметились признаки идеологического романа, хотя еще сильна, безусловно, его социальная сторона. Добролюбов же подошел к нему с меркой социально-психологического романа. Он хотел бы, чтобы автор показал, как среда, условия определяли характер персонажей. Не случайно в качестве образца критик приводит *Мертвые души* Гоголя и *Обломова* Гончарова, т. е. те произведения, где художники стремились показать героев как типичных представителей своей среды. Н. М. Чирков тоже увидел только социально-психологическую сторону романа и в своей работе как бы стремился исправить неточность Добролюбова, проясняя социальные биографии главных героев. Достоевский же в своем романе нащупывает идеологический принцип типизации. Он не объясняет мировоззрения ни Ивана Петровича, ни Валковского. Эти личности представлялись ему воплощением противоположных идей, рожденных новым временем. В „Униженных и оскорбленных“ уже заметен один из существенных признаков метода Достоевского, метода „фантастического“ реализма или „реализма в высшем смысле“ — умение в житейском, бытовом различить философию эпохи. Сопоставляя ряд однородных явлений, он понимал их „идею“. Первоосновой художественного замысла у него была именно идея, а не характер (как, например, у Тургенева). И тут уместно вспомнить одну фразу Ивана Петровича, героя, как принято считать, автобиографического. Он задумал роман, но боится начать его, так как в условиях, когда нужно писать к сроку, можно испортить идею: [...] „все роман пишу, да тяжело, не дается. Вдохновение выдохлось. Сплеча — то и можно бы написать, пожалуй, и занимательно бы вышло, да хорошую идею жаль портить. Эта из любимых“ (с. 91). Речь идет о любимой идее. Нет сомнения, что у Достоевского уже появились свои любимые идеи и что он начинал работу с прояснения идеи. Брату Михаилу 31 мая 1858 года он сообщал из Семипалатинска:

Роман же (может быть именно *Униженные и оскорбленные* — А. Л.) я отложил писать до возвращения в Россию. Это я сделал по необходимости. В нем идея довольно счастливая; характер новый, еще нигде не являвшийся. Но так как этот характер вероятно теперь в России в большом ходу, в действительной жизни, особенно теперь, судя по [некоторому] движению и идеям, которыми все полны, то я уверен, что я обогащу свой роман новыми наблюдениями, возвратясь в Россию ⁴.

Н. Н. Страхов в 1864 году опубликовал воспоминания об А. Григорьеве, куда включил некоторые письма Григорьева к нему, в частности, письмо о том, что Достоевского — автора загнали как почтовую лошадь. Достоевский на правах редактора сопроводил воспоминания примечанием, где рассказал о том, как он работал над романом *Униженные и оскорбленные*, и дал характеристику своему произведению:

Совершенно сознаюсь, что в моем романе выставлено много кукол, а не людей, что в нем ходячие книжки, а не лица, принявшие художественную форму [на что требовалось действительно время и выноска (подчеркнуто Достоевским. — А. Л.) идей и в уме, и в душе]. В то время, когда я писал, я разумеется, в жару работы этого не сознавал, а только разве предчувствовал ⁵.

Достоевский, надо полагать, точно определил свое состояние. Он предугадывал открытие нового художественного мира — мира идеологического, полифонического романа, в котором на равных сталкиваются идеи времени и задача автора состоит в постановке „проклятых“, неразрешимых проблем. Добролюбов же ждал от Достоевского четких ответов. Реальный критик, опиравшийся на опыт социально-психологического течения русского критического реализма, не мог разглядеть новые черты в его романе.

Albert Luzhanovsky

SOME REMARKS ON DOBROLJUBOV'S ARTICLE *THE OPPRESSED FOLK*

The author of the paper discusses Dobroljubov's views upon Dostoyevsky's novel *The Oppressed and the Depressed* and confronts them with contemporary critics' opinions. He indicates that the book in question was misunderstood and erroneously regarded as a specimen of social and psychological prose while it is a typical ideological novel, based upon the conflict of ideas and attitudes.

⁴ Ф. М. Достоевский, *Письма*. Т. 1, ГИЗ, М.—Л., 1928, с. 236.

⁵ „Эпоха“, 1864, Нр 9.